

DOI: 10.31857/S013038640005858-1

© 2019 г. В. С. МИКОЯН

ОПЕРАЦИЯ «АНТРОПОИД»: 75 ЛЕТ СПУСТЯ

Микоян Владимир Сергеевич — сотрудник МИД СССР (1973–1992), советник Управления США и Канады; региональный представитель Торгово-промышленной палаты России в Восточной Европе (Прага) с 2010 по 2017 г. (Москва, Россия).

E-mail: zoravor1950@gmail.com

Аннотация. В статье рассказывается о самоотверженном подвиге молодых чехословацких офицерах-диверсантах, совершивших в мае 1942 г. уничтожение одного из руководителей Третьего рейха «пражского мясника», обергруппенфюрера СС Р. Гейдриха, фактического главы Протектората Богемии и Моравии. Автор подчеркивает, что это был «ак возмездия» за совершенные Гейдрихом злодеяния на территории Протектората и критикует публицистов и журналистов, считающих этот акт неоправданным, повлекшим за собой жестокую расправу фашистов над чешским населением.

Мысль об устранении Гейдриха, палача, которое замысливалось как знаковое событие неотвратимости наказания за злодеяния, родилась в Великобритании, куда успели скрыться некоторые офицеры чехословацкой армии и где было создано чехословацкое правительство в изгнании. Никакого детального плана в Лондоне в Управлении специальных операций разработано не было. Но отсутствие продуманного Лондоном плана (как основного, так и запасного), надежного для успеха дела вооружения и подготовленных путей безопасного отхода после совершения покушения исполнителей не смущало. Они были готовы жертвовать собой и идти на верную смерть, ради успеха акта возмездия. Эта решимость, отвага, осмысленная готовность расстаться с жизнью ради такого справедливого дела, безусловно, превратили этих молодых ребят в героев Второй мировой войны, тем более — героев Чехии, где не было активного движения сопротивления немцам с оружием в руках.

Ключевые слова: «ак возмездия», Протекторат Богемия и Моравия, «операция Антропoid», Ян Кубиш, Йозеф Габчик.

V. S. Mikoyan

Operation «Anthropoid»: 75 Years Later

Vladimir Mikoyan, Officer of the USSR Ministry of Foreign Affairs (1973-1992), Counselor of the United States and Canada, Regional Representative of the Chamber of Commerce and Industry of Russia in Eastern Europe (Prague) from 2010 to 2017 (Moscow, Russia).

E-mail: zoravor1950@gmail.com

Abstract. The article describes a selfless deed of young Czechoslovak officers-saboteurs who, in May 1942, carried out the elimination of one of the leaders of the Third Reich, the so-called Prague Butcher, Obergruppenführer SS R. Heydrich, the de facto head of the Protectorate of Bohemia and Moravia. The author emphasizes that this was “an act of retribution” for the atrocities committed by Heydrich in the Protectorate and criticizes publicists and journalists who consider this act unwarranted, resulting in the Nazi’s brutal reprisal against the Czech population.

The idea of eliminating Heydrich, the executioner, which was conceived as a landmark event demonstrating the inevitability of punishment for the atrocities committed, was born

in the United Kingdom, where some officers of the Czechoslovak army had managed to flee to and where the Czechoslovak government-in-exile was established. No detailed plan was developed in London at the Special Operations Executive. But the absence of an in-depth plan (both basic and backup), assuring the success of the cause of providing weapons and preparing ways of safe escape after the assassination attempt, did not trouble the plotters. They were prepared to sacrifice themselves and go to certain death for the success of the retribution. Their determination, courage, a meaningful willingness to give up their lives for the sake of such a just cause, undoubtedly, turned these young people into heroes of the Second World War; in particular, it turned them into heroes of the Czech Republic, where there was no active militant resistance movement against the Nazis.

Keywords: “act of retribution”, Protectorate of Bohemia and Moravia, “Operation Anthropoid”, Jan Kubish, Josef Gabczyk.

Не так давно известный публицист Н. В. Стариков, видимо, находясь под впечатлением вышедшего в 2017 г. художественного фильма «Операция Антропид», опубликовал в Интернете заметку об этой операции, совершенной в мае 1942 г. — покушении чешских патриотов на обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха — одну из самых зловещих фигур Третьего Рейха, занимавшего третье место после Гитлера и Гиммлера в фашистской Германии. По странной причине Стариков избрал неоправданно снисходительный, если не сказать, презрительный тон в описании тех драматических событий и исполнителей этого акта возмездия, ставя под сомнение его целесообразность. В аналогичном тоне появилась и заметка некоего Д. Беляева, с издевкой именовавшего чешских диверсантов не иначе, как «бравыми британскими агентами». Непонятно, для чего же спустя 75 лет заниматься нравоучительством, рассказывать, как надо было бы уничтожать (если, по мнению Старикова и Беляева, вообще надо было) одиозного ставленника фюрера, прозванного «пражским мясником», демонстрировать сегодня «неуклюжее остроумие на лестнице»?

Почему эти авторы вновь поднимают тему лишь военной стороны «Операции Антропид», пытаются переосмыслить ее суть и целесообразность, когда все детали и действующие лица хорошо и давно известны, во всяком случае, в Чехии. Если только не для того, чтобы поиронизировать над исполнителями этого акта справедливого возмездия, над их диверсионной неподготовленностью. А, следовательно, и над теми чешскими патриотами, кто добровольно рисковал, помогая им в захваченной гитлеровцами Чехии как до, так и после покушения. Но именно такое, к сожалению, впечатление от реплик этих авторов и складывается.

От авторов этих заметок ускользнуло основное. «Операция Антропид» — это не только военная, диверсионная (и успешная) акция, а растянувшаяся на многие месяцы настоящая сага, в которой проявилась широкая гамма чувств и человеческих качеств десятков людей, кто был прямо или косвенно причастен к этим событиям. Что руководило добровольными помощниками диверсантов? Казалось бы, зачем преуспевающему врачу, руководителю аполитичной спортивно-физкультурной школы, страховому агенту, учителю, автомеханику, мельнику, священнослужителям, семейным людям, которые спокойно, размеренно жили и занимались своим делом или домашним хозяйством, растили детей, т.е. заурядным обывателям превращаться в сообщников диверсантов и ставить себя под ответный удар нацистов, не оставляющий никаких шансов на выживание. Не будучи спаянными в одну подпольную организацию и даже не знакомыми друг с другом, не зная главной цели двух молодых людей с военной выправкой, они все же сознавали, что те появились в Чехии для проведения акции справедливого возмездия нацистам. Но этот очевидный вопрос любители поверхностных суждений обходят.

Память о самоотверженных молодых офицерах и их единомышленниках, фактических союзников нашей страны в борьбе с германским фашизмом, побуждает нас высказаться, привести детали, которые и помогут читателю сформировать свое мнение о них на основе объективных, неоспоримых фактов, подтверждаемых чешскими и немецкими источниками.

Для начала скажем о том, кем был Гейдрих и почему он стал жертвой мщения? Умный, циничный, напористый, уверенно и целеустремленно поднимавшийся по нацистской лестнице, и достигший одного из важнейших постов — руководителя Главного управления имперской безопасности, Гейдрих выстроил разветвленную систему слежки за коллегами по партии (он осмеливался интриговать даже против шефа военной разведки Третьего рейха адмирала В. Канариса), знал массу пикантных деталей практически о каждом руководителе рейха и давал понять, что все у него на крючке. Гейдрих занимал также пост фактического главы Протектората Богемии и Моравии (так стала называться Чехия после ее расчленения Гитлером, Словакия была выделена в отдельную «карманную» республику). Значимость этой должности объяснялась в первую очередь тем, что Чехословакия, имевшая репутацию «мастерской Европы», в которой была сосредоточена мощная военная промышленность, вся была нацелена на производство и снабжение Германии вооружением и боеприпасами. Даже в апреле 1945 г. из «сталелитейного сердца» Чехии — г. Остравы направлялись артиллерийские орудия для обороны Берлина. Умелые чешские руки так ценились немцами, что чехов в вермахт не призывали. И производство вооружений, тем более после начала агрессии против СССР, должно было быть бесперебойным и безупречным по качеству. Кроме того, эта территория была ближайшим тылом немцев в их походе на Восток, и в нем должен был царить прочный имперский порядок, который, по мнению Гитлера, не смог в должной мере обеспечить Имперский Протектор Константин фон Нейрат, отправленный фюрером в бессрочный отпуск в Германию.

Гейдрих, формально принявший пост заместителя Нейрата 28 сентября 1941 г., в присущей ему безжалостной манере производил «зачистку» своих подопечных территорий, используя концлагеря, пытки, уничтожение подозрительных, гетто, репрессии против евреев. Открытое инакомыслие было бескомпромиссно подавлено (впрочем, лишь внешне), чешское общество впало в унылое оцепенение. Одновременно, для умиротворения населения он инициировал некоторые социальные акции и даже повышал зарплаты рабочим военных заводов.

Мысль об устранении Гейдриха, палача, которое замысливалось как знаковое событие неотвратимости наказания за злодеяния, родилась в Великобритании, куда успели скрыться некоторые офицеры чехословацкой армии и где было создано чехословацкое правительство в изгнании. Ликвидировать Гейдриха вызвались два молодых лейтенанта-добровольца — Ян Кубиш (чех) и Йозеф Габчик (словак). Никакого детального плана в Лондоне в Управлении специальных операций разработано не было, парашютисты должны были действовать самостоятельно и сообразно обстановке. Вся заведомо рискованная, опаснейшая для исполнителей и их помощников операция была оговорена лишь в общих чертах, сплошь и рядом отдавала непрофессионализмом. Ключевые детали для успеха дела, начиная с вооружения, наборов подстраховочных личных документов, медицинских свидетельств о воинской непригодности, конспиративных явочных мест-схронов, не были проработаны. Проявились и вопиющие просчеты — так, ящики с предметами, с которыми приземлились диверсанты, имели английскую военную маркировку на английском языке. Деньги им выдали крупными купюрами, которые разменять можно было только в банке, а такой размен регистрировался. Даже гранаты впоследствии пришлось изготавливать самодельные, из консервных банок — именно такая «граната» и ранила Гейдриха. Все вооружение состояло из британского автомата «Стен» и двух пистолетов. Да и сбросили

парашютистов и груз по причине «ошибки в навигации» совсем не там, где планировалось и, если бы не лояльность местных жителей к ним, они неминуемо попали бы в руки полиции. Такое впечатление, что англичане решили действовать руками чехословаков наудачу.

Но отсутствие продуманного Лондоном плана (как основного, так и запасного), надежного для успеха дела вооружения и подготовленных путей безопасного отхода после совершения покушения исполнителей не смущало. Они были готовы жертвовать собой и идти на верную смерть ради успеха акта возмездия. Эта решимость, отвага, осмысленная готовность расстаться с жизнью ради такого справедливого дела, безусловно, превратили этих молодых ребят в героев Второй мировой войны, тем более — героев Чехии, где не было активного движения сопротивления немцам с оружием в руках. Наверное, сформированные в СССР чехословацкие части (корпус Людвиг Свободы), действовавшие в составе Красной армии, отличались в боях, поскольку они были задействованы в первую очередь при освобождении их родины, но это — особая тема. Одно дело — воевать в составе мощной, активно наступавшей Красной армии, громившей врага уже не на своей территории, когда победа стала очевидной, и чувствовать крепкое плечо товарищей по оружию, а другое — быть одиночками в начале войны в тотальном вражеском окружении.

У них было время обдумать и само задание, и его последствия, и свою будущую судьбу как перед десантированием, так и после него. Вот текст заявления, которое они подписали 1 декабря 1941 г. — за три недели до выброски: «Моя задача состоит в том, чтобы совместно с другим военнослужащим я был заслан в Чехословакию, и там, ориентируясь по месту и ситуации, которые по нашему мнению, окажутся самыми подходящими, провел акт саботажа или теракт настолько действенный, чтобы он вызвал отклик как в Чехословакии, так и за границей.

Я сделаю все наилучшим образом по своему усмотрению и совести, чтобы это задание, к которому я приступаю добровольно, было выполнено успешно»¹.

Между приземлением с парашютами 29 декабря 1941 г. и покушением 27 мая 1942 г. прошло 150 дней. Диверсанты, понимая, какая опасность им ежедневно грозит, тем не менее, целенаправленно приближались к своей цели, собирая сведения о передвижениях Гейдриха, подбирая место нападения, при этом все время перемещаясь с одной явочной квартиры на другую, чтобы их не выследили. Надо иметь в виду, что они были не профессиональными диверсантами, а начинавшими службу армейскими офицерами, еще не нюхавшими пороха — оккупация их страны не встретила вооруженного сопротивления чехословацкой армии. Они вызвались на это дело добровольно, и местные жители помогали им тоже добровольно. Причем из многочисленных помощников парашютистов лишь один выразил несогласие с целесообразностью устранения Гейдриха.

При покушении у одного из нападавших заклинило автомат, и Гейдрих, будучи не робкого десятка (он ездил в машине с открытым верхом и без охраны), вместо того, чтобы дать шоферу приказ быстро уехать, приказал остановить машину и стал отстреливаться. К счастью, от растерянности водитель Гейдриха обершарфюрер СС Й. Кляйн поначалу не смог совладать со своим оружием. Взрывом самодельной гранаты, брошенной Я. Кубишем, Гейдрих был лишь легко ранен в бедро, задета осколком селезенка — он даже сам смог дойти до кабинета хирурга в больнице «На Буловке» (сейчас это — крупный госпиталь), куда его немедленно доставил подъехавший полицейский — она оказалась всего в трех минутах езды от места нападения. Если бы в то время существовали антибиотики, хотя бы пенициллин, Гейдрих имел все шансы остаться в живых, а не умереть спустя 3 дня от заражения крови.

¹ Smejkal P., Padevet J. «Anthropoid». Praha, 2016, s. 15.

При взрыве Я. Кубиш получил множественные ранения лица, у него был серьезно поврежден глаз. Однако выстрелом из пистолета он сумел ранить в ногу водителя, пустившегося по приказу Гейдриха в погоню, и это позволило ему скрыться.

Напрасно наши исследователи-любители пытаются создать впечатление, что эти парашютисты — беспечные стрелки вроде голливудских ковбоев, которые после удачной перестрелки лихо запрыгивают в седло и триумфально мчатся неведомо куда в голубую даль. Диверсанты и их сообщники заранее взвешивали варианты отхода после покушения и решили, что самое практичное — «залечь на дно»; уйти им — молодым людям — беспрепятственно из уже оцепленной Праги, добраться на поезде, не вызывая подозрений у патрулей, до неприметного места где-то в провинции, схорониться там, при наличии разветвленной системы тотальной слежки и контроля над жителями, было крайне сложно. Да и конспиративные квартиры после покушения могли оказаться под угрозой облав гестапо, что и произошло потом на самом деле. Надо было найти нейтральное место. Выбор православной церкви Кирилла и Мефодия в центральной части Праги, прямо под носом у немцев, был дерзким решением. Оно было предложено загодя — еще весной 1942 г. председателем Совета старейшин православной церкви Я. Соневендом и поддержанное настоятелем храма В. Петреком в согласии с духовником В. Чиклом и епископом Гораздом. Все они потом были расстреляны. В церкви заблаговременно были складированы спальные принадлежности, боеприпасы, одежда и продовольствие. Другие парашютисты, сброшенные вне задания покушения: Й. Бублик, А. Опалка, Й. Валчик, Я. Хруби, Я. Шварц также скрывались во внутренних помещениях церкви. К 1 июня все они собрались в храме.

Как же их накрыли немцы в таком укромном месте? Карел Чурда — офицер-парашютист, сброшенный в составе диверсионной группы из трех человек для выполнения другого задания, оказался предателем, он добровольно спустя 20 дней (16 июня) после покушения предложил себя в помощь немцам. И вовсе не потому, что он был против покушения и жалел потенциальных непричастных заложников, а по чисто практическим мотивам (против выступал лишь один участник сопротивления — В. Крайна, который, впрочем, не побегал жаловаться немцам; при облаве он спрятался в вентиляционный штрек и впоследствии смог укрыться в безопасном месте). К. Чурда соблазнился на объявление оккупационной власти не преследовать того, кто выведет на след диверсантов, да еще и выплатить денежную премию. Непонятно, ведал ли им страх за свою жизнь (в Праге, да и не только, гестапо бросило все силы на интенсивный поиск участников покушения и их сообщников), или жажда подзаработать на крови своих соратников? 14 июня из дома своих родственников в Моравии он написал покаянное письмо и отправил его в районное отделение полиции. Когда оттуда на следующий день реакции не последовало, он 16 июня отправился в Прагу в штаб-квартиру гестапо. Причем он выдал среди прочих и те семьи, у кого до этого сам благополучно скрывался от немецких облав. И немцы его действительно не тронули, даже выдали ему по нынешним временам крупную сумму денег (5 млн чешских крон) и квартиру в престижном районе Праги — Винограды, где он стал тихо жить, женился, у него родился сын. Но, видимо, все же не смог совладать с преследовавшим его чувством вины, явился с повинной к новой послевоенной власти и в 1947 г. был приговорен к высшей мере наказания.

К. Чурда выдал многих подпольщиков, кто был причастен к подготовке покушения. С раннего утра 17 июня начались повальные аресты и, по всей видимости, кто-то из подпольщиков не выдержал пыток в гестапо (в этом здании, где в подвале допрашивались узники, теперь мини-музей с соответствующими орудиями пыток) и указал на церковь Кирилла и Мефодия. Во время штурма привезенный к церкви К. Чурда тщетно уговаривал своих бывших товарищей сложить оружие, а когда все было кончено, выступил в роли опознавателя их трупов. Есть даже фотография — он указывает

пальцем на вытащенное ко входу в храм тело тяжело раненного Я. Кубиша, который умер в больнице, так и не придя в сознание. Был и другой опознаватель — еще один предатель, Вильям Герик, который, не сговариваясь с Чурдой, явился к немцам и также выдал многих подпольщиков. Гестаповцы привезли туда во время боя и другого члена подполья — арестованного и подвергнутого пыткам Властимила Моравца, что-бы он убедил оборонявшихся прекратить сопротивление, но тот отказался.

На предложение сдаться из церкви раздалось: «Никогда! Чехи не сдаются!». Бой, в отличие от укороченного, но правдоподобного своим драматизмом куска в фильме, шел с перерывом несколько часов, трое из семи перед развязкой выбыли из строя: Я. Кубиш был смертельно ранен гранатой и потерял сознание, Й. Бублик тяжело ранен также осколочной гранатой и из последних сил выстрелил в себя, А. Опалка был убит, остальные: Й. Валчик, Я. Хруби, Я. Шварц, Й. Габчик укрылись в подвале церкви и там, будучи затопленными по пояс водой из шлангов и окуренные удушающим дымом, покончили с собой. Не кощунственно ли с издевкой именовать их после этого «бравыми английскими агентами»?!

Интересно, а как на их месте повели бы себя иронизирующие над ними современные моралисты-прагматики Стариков и Беляев? Недаром они задаются вопросом, думая, что он риторический: «А стоила ли игра свеч, ведь такой вызывающий акт неминуемо бы потянул за собой репрессии гитлеровцев, в том числе и в отношении мирного населения?».

Конечно, любимый прием гитлеровцев всегда и везде был отыгрываться на невинных, как с поводом, так и без него. В этом случае еще и сыграло служебное рвение — поскорее отчитаться, причем масштабно, поскольку разъяренный Гитлер отдал приказ найти пособников и безжалостно расправиться с ними, не щадить никого. Подпольщиков надо было искать, отлавливать по одному, а тут — все просто и быстро. Деревня Лидице оказалась удобной мишенью — далеко ехать не надо — всего 20 км от Праги. Тем более что она находилась в зоне безопасности единственного пражского аэропорта Ружине (всего в 6 км), который использовался гитлеровцами и для военных целей. Все мужчины ее — 172 человека были там же расстреляны, женщины и дети отправлены в концлагеря, лишь некоторые дети выжили за счет отправки в Германию в рамках политики «онемечивания». Сама деревня была разрушена до основания и сожжена. Такая же участь постигла и деревню Лежаки.

Но несправедливо ставить в вину исполнителям акта возмездия уничтожение Лидице и Лежаков — они и представить себе не могли масштаб ответной карательной акции немцев. Ведь до этого ничего подобного в Чехословакии не происходило, внешне после фазы гейдриховских «зачисток» она жила более или менее обычной жизнью, за исключением комендантского часа, проверок, патрулей, ужесточения контроля за всем и вся, насаждения немецкого «порядка».

Можно подумать, что если бы диверсанты пустили под откос поезд, то немцы это спокойно восприняли бы как неизбежную потерю в войне и не обрушились бы на местное население в полосе железной дороги. То же самое было бы и с подрывом какого-нибудь склада.

Заложники в боевых действиях всегда были циничным инструментом сдерживания противника. Видимо, в каждой конкретной стране, в каждой ситуации этот вопрос должен рассматриваться сугубо индивидуально, сообразно обстоятельствам. Но в данном случае диверсантам надо было решить: сражаются ли они с врагом всерьез, по-крупному или лучше ограничиться булавочными уколами. Или вообще фактически принять условия, которые угрозой расправиться с мирными жителями навязывает противник, парализуя решимость наносить ему урон.

Если руководствоваться такой логикой войны, то надо осудить и партизанское движение у нас в стране, где гитлеровцы в отместку сожгли целиком с жителями не

одну деревню. Надо усомниться в целесообразности существования партизанской армии Югославии, борцов вооруженного Сопротивления во Франции и Италии. То есть следовало бы, по логике теоретиков-прагматиков, воевать исключительно «чисто», противостоящими друг другу регулярными воинскими частями на линии фронта, а о борьбе в тылу забыть. А гражданскому населению встречать захватчиков чуть ли не с цветами, чтобы они, не дай бог, не осерчали на проявление невежливости со стороны аборигенов. Поставим тогда под сомнение и целесообразность подрыва в его же спальне гауляйтера Белоруссии, рейхскомиссара «Остланд» Вильгельма Кубе, осуществленного молодой партизанкой Еленой Мазаник, которая была внедрена партизанами в качестве гувернантки его детей. Начнем усмехаться и над легендарным Николаем Кузнецовым, виртуозно на протяжении долгого времени изображавшим себя офицером вермахта Паулем Зибертом — ведь этот уникальный партизанский разведчик лично уничтожил 11 генералов, офицеров и высокопоставленных чиновников оккупационной администрации; он был одержим идеей расправиться и с самым жестоким рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом. Все они руководствовались непреложным правилом войны: «Видишь врага — убей его». А уж Гейдрих своими акциями, за которые получил прозвище «пражский мясник», сам поставил себя вне любого закона.

Получается, что чехословацким патриотам надо было лишь проявить терпение и дожждаться, когда Гейдрих окажется на скамье нацистских преступников на Нюрнбергском процессе. А самим затаиться и выйти на улицы только для того, чтобы встречать Красную армию, радостно помахивая руками уцелевшим и изможденным в тяжелейших боях за освобождение их страны советским солдатам и офицерам (наши прямые потери в ходе освобождения Чехословакии составили 140 тыс. человек). Но они — исполнители акта справедливого возмездия над изувером и их добровольные гражданские помощники, сделали иной, причем осмысленный выбор — самостоятельной борьбы с захватчиками и поработителями, не дожидаясь, когда за них это сделают другие. Они воевали, как могли, и теми средствами, которые им были под силу. Будем снисходительны — они все, кроме Й. Габчика, не достигли и 30-летнего возраста (самому молодому — Й. Бублику было 22 года) — еще юноши по возрасту, но уже настоящие мужчины. Это был акт, демонстрирующий, как сейчас бы сказали, «гражданскую позицию». А вопрос личного выживания при этом оказался для всех прямых и косвенных участников «Операции Антропоид» второстепенным и не перевешивающим чашу весов в сторону их благополучия.

Всего по делу о покушении на Гейдриха (по чешским послевоенным данным) гестапо арестовало и впоследствии уничтожило 294 человека — как подпольщиков, так и их незначительных помощников, равно как и членов их семей, включая 46 детей. Все они по решению шефа гестапо Праги Ганса Ульриха Гешке были отправлены в концлагерь Маутхаузен и там расстреляны. Лишь единицы смогли чудом избежать ареста.

Уж если и есть над чем недоумевать, так это над тем, как увековечена память в Праге об этих героях в рамках Чехии. Становится немного обидно за них, хотя все вроде бы с виду логично: улицы имени Я. Кубиша и Й. Габчика символично пересекаются примерно в том месте, где они и совершили покушение и фактически приговорили себя к смерти. Но ведь это же по существу окраина Праги — такой она была и примерно такой же и осталась. Зато одна из парадных площадей в центре столицы, где расположен главный концертный зал «Рудольфинум», названа по имени Яна Палаха — 20-летнего студента Карлова университета, который после ввода советских войск в Прагу в 1968 г. спустя полгода совершил в знак протеста акт саможжения (причем не на этой площади). В престижном районе Праги «Бубенеч», в непосредственной близости от бывшего советского, а ныне российского посольства, явно не без подтекста была переименована улица в честь Яна Зайица, другого студента, который поступил таким же образом. Тоже самопожертвование, своеобразное выражение

гражданской позиции, похожее скорее на акт беспомощности и отчаяния. Только в их случае они ликвидировали сами себя, как говорится, «на ровном месте», без всякого противостояния акции «оказания братской помощи», а парашютисты — врага нации, поработителя-диктатора, наместника Дьявола, одного из самых мерзких и бесчеловечных правителей Третьего рейха.

Приобщиться же к памяти о подлинных героях можно лишь зайдя во внутренний двор церкви Кирилла и Мефодия по ул. Реслова, где стоят их скромные бюсты и высечены имена всех 294 жертв гестапо. Но такой визит — для тех, кто способен оценить силу их духа и самопожертвования.

Библиография

Smejkal P., Padevet J. «Anthropoid». Praha, 2016.

References

Smejkal P., Padevet J. «Anthropoid». Praha, 2016.